

Археология: история и перспективы

Четвертая
международная
конференция

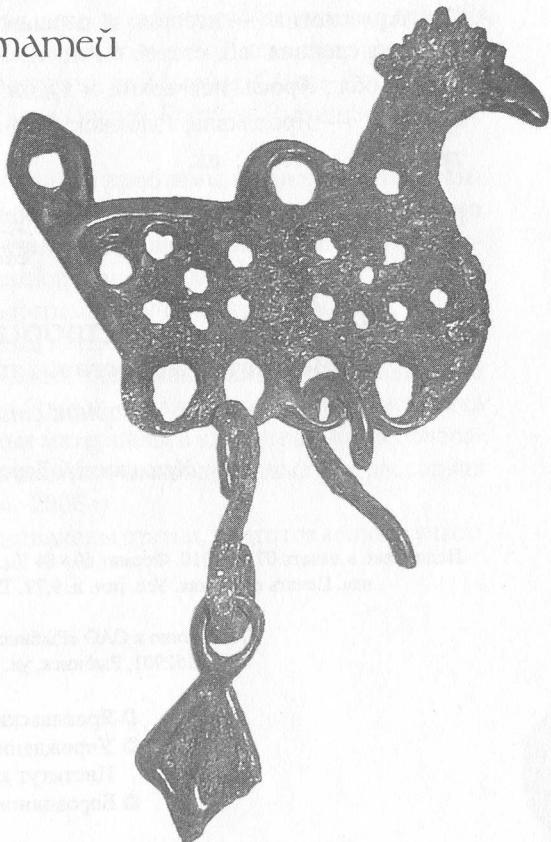
Ярославль
2010

Ярославский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник
Учреждение Российской академии наук Институт археологии РАН

Археология: история и перспективы

Четвертая международная
конференция

сборник статей

Ярославль
2010

они и будут переданы для реализации в Москву.³⁸ Расчет делался на то, что реставрация займет много времени, и многие иконы будут спасены. Но и такие ухищрения не помогали. Процесс распродажи исторических ценностей набирал обороты.

Степень влияния музейного отдела и местных сотрудников музеев и органов охраны памятников резко снизилась. Еще в 1925 г. П. Д. Барановский при осмотре Корнильево-Комельского монастыря в Вологодской губернии, по которому губисполком возбудил перед ВЦИК ходатайство о его сломке, принял решение: «Все здания необходимо сохранить... Обязать Губмузей принять действенные меры по охране исторических и архитектурных ценностей монастыря...»³⁹ В 1928 г. в подобной ситуации, касающейся Вознесенской церкви в Вологде, П. Д. Барановский и Д. П. Сухов вынуждены были принимать компромиссное решение: «По условиям настоящего времени мы находим разборку колокольни и трапезной возможным допустить, как неинтересных по архитектуре...» При этом оба специалиста пытались получить хоть какие-нибудь уступки, они соглашались на слом более поздних памятников XVIII–XIX вв., чтобы спасти более древние и ценные постройки.

На подобные ухищрения вынужден был идти известный ярославский краевед И. А. Тихомиров в отношении памятников Толгского монастыря, который в 1932 г. передали в ведение «Волгостроя». Хорошо осознавая неизбежность потерь, И. А. Тихомиров писал в акте обследования памятника, что имеющиеся в храме стенописи можно забелить, но только мелом. Позднейшие утолщения монастырских стен, по его мнению, можно разобрать, «но без повреждений древних стен», переделка колокольни может быть разрешена, но «только в позднейшей части здания» и т. д. и т. п.⁴⁰ Это тоже было попыткой сохранить самое ценное в памятнике хотя бы ценой потери его отдельных частей.

Но объективные условия для сохранения памятников прошлого были теперь совсем другими и гораздо более сложными. Наступало время, когда многие памятники искусства и старины становились разменной монетой в осуществлении различных политических кампаний. Их судьбе теперь угрожала реальная опасность.

³⁸ Научный архив ВМГЗ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 20. Л. 8.

³⁹ Там же. Д. 2. Л. 34 об.

⁴⁰ «Вглядись в минувшее бесстрастно...» С. 301–302.

В. Н. Седых

Санкт-Петербург

О ранней дате Тимерева

В историко-археологических исследованиях вопросы хронологии, наряду с проблемами этнической атрибуции памятников, являются наиболее дискуссионными. Прежде всего, это касается комплексов памятников, отражающих ранние этапы становления государственности на территории Древней Руси. Таковыми являются археологические комплексы Старой Ладоги, древних Новгорода, Смоленска, Ростова и Ярославля. Теме нижней или ранней даты Гнездовского могильника и Владимирских курганов посвящены специальные работы В. А. Булкина, В. А. Назаренко и В. А. Лапшина соответственно.¹ Обоснованная датировка опорных памятников имеет большое значение для изучения археологических памятников лесной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства, для реконструкции происходивших в тот период социальных и этнических процессов.

Из ярославских памятников наиболее изученным в археологическом отношении является Тимеревский археологический комплекс. Несмотря на многолетний период изучения Тимерева, в его истории есть немало нерешенных проблем.² И, прежде всего, это касается времени его основания. Существует несколько точек зрения на вопрос о времени возникновения Тимерева. Условно можно выделить два подхода исследователей при решении проблемы ранней фазы памятника — «длинная» и «короткая» хронологии.

¹ Булкин В. А., Назаренко В. А. О нижней дате Гнездовского могильника // КСИА. Вып. 125. М., 1971. С. 13–16; Лапшин В. А. Ранняя дата Владимирских курганов // КСИА. Вып. 166. М., 1981. С. 45–48.

² Седых В. Н. Тимерево: древнерусская деревня? скандинавская фактория? протогород? // Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической научной конференции. СПб., 1998. С. 22–26.

Один из первых исследователей Тимеревского могильника И. А. Тихомиров предлагал вариант «длинной» хронологии, относя ранние погребения некрополя к VIII–IX вв.³ А. А. Спицын датировал их IX в.⁴ Широко, в пределах VIII–IX вв., датировала ранние комплексы могильника Я. В. Станкевич⁵, проводившая наиболее крупные раскопки памятника в предвоенный период, указывая на их связь с ярусными погребениями в сопках Новгородчины.

Е. И. Горюнова, посвятившая специальное исследование древней истории Волго-Окского междуречья, датировала первые захоронения Тимерева X в. в целом.⁶ Необходимо отметить, что данная точка зрения в отношении хронологии Тимерева в настоящее время имеет лишь историографический интерес. Основной оппонент Е. И. – П. Н. Третьяков – в процессе исследований отошел от предложенной ранее «короткой» хронологии в отношении ярославских памятников (в т. ч. Тимерева) – к VIII – началу IX в.⁷ – и предложил широкую дату – IX в.⁸

Возобновление раскопок могильника и открытие И. В. Дубовым Тимеревского поселения позволили автору предложить IX в., возможно, его первую половину, в качестве точки отсчета существования этого центра.⁹ Этим же временем – IX в. – датирует начальную фазу поселения Тимерева К. И. Комаров.¹⁰ Л. А. Голубева определяет «ранний период селища (Тимеревского – В. С.) IX – началом X в.»¹¹.

Сторонниками «короткой» хронологии, основываясь, прежде всего, на материалах могильника, являются московские исследователи М. В. Фехнер (публикация 1963 г.), А. Е. Леонтьев, К. И. Комаров, Т. А. Бернштам из Санкт-Петербурга и шведский археолог И. Янссон – они начинают отсчет тимеревских курганов с конца IX в.¹² В аналитиче-

³ Тихомиров И. А. Кто насыпал ярославские курганы? Ч. 2 // Труды III Областного историко-археологического съезда. Владимир, 1909. С. 5.

⁴ Спицын А. А. Владимирские курганы // ИАК. Вып. № 15. СПб., 1905. С. 96.

⁵ Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX–Х ст. // МИА. № 6. М.-Л., 1941. С. 82.

⁶ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94. М., 1961. С. 190.

⁷ Третьяков П. Н. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э. // СА. 1957. № 2. С. 64–68.

⁸ Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности // МИА. № 179. Л., 1970. С. 125–131.

⁹ Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья: Историко-археологические очерки. Л., 1982. С. 128.

¹⁰ Комаров К. И. Археологическая карта России. Ярославская область / Под ред. А. В. Кашкина. М., 2005. С. 82.

¹¹ Голубева Л. А. Меря // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В. В. Седов. М., 1987. С. 73.

¹² Фехнер М. В. Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье в X–XI вв. / Под ред. А. П. Смирнова. М., 1963. С. 17; Леонтьев А. Е. Археология мери: К предыстории

сших статьях 1980-х гг., посвященных погребальным обряду и инвентарю Тимеревского могильника, М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивина датируют первые погребения концом IX в. и рубежом IX–X вв.¹³ Второй половиной IX в. датирует ранние курганы Тимерева В. В. Седов¹⁴. И, наконец, к последней трети IX в. отнесли начальный период Тимерева А. В. Кузя, А. Е. Леонтьев и Т. А. Пушкина¹⁵.

Таким образом, современные исследователи определяют время основания Тимерева в рамках IX в., предлагая в качестве вариантов отдельные хронологические периоды внутри столетия. Проведенные в 70-х – начале 90-х гг. прошлого столетия исследования курганов и поселения, в совокупности с анализом и обобщением доступного материала, позволяют на новом уровне обратиться к возможному решению проблемы раннего Тимерева.

В отличие от комплексов некрополя, где возможны датировки с точностью до полустолетия (в первую очередь, на основании находок монет и импортных вещей), поселенческие комплексы датируются в более широких пределах. Как показали специальные исследования, лепная керамика не может являться надежным хронологическим индикатором, так как в достаточном количестве продолжает выделяться и использоваться на поселениях Ярославского Поволжья во второй половине XI – первой половине XIII в., составляя от 2 до 20% всех керамических материалов, в том числе и в Тимерево.¹⁶ Самые ранние комплексы поселения, раскры-

Северо-Восточной Руси. М., 1996. С. 272; Комаров К. И. Археологическая карта России. Ярославская область... С. 85; Бернштам Т. А. Роль верхневолжской колонизации в освоении русского Севера. (IX–XV вв.) // Фольклор и этнография русского Севера. Сборник научных статей. Л., 1973. С. 11; Янссон И. 1) Контакты между Русью и Скандинавией в эпоху викингов // Труды Пятого международного Конгресса славянской археологии. Том III. Вып. 16. М., 1987. С. 123; 2) Warfare, Trade or Colonisation? Some general remarks on the eastern expansion of the Scandinavians in the Viking period // The Rural Viking in the Russia and Sweden / Ed. Pär Hansson. Örebro, 1997. P. 41.

¹³ Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. 1985. № 2. С. 114; Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2. С. 86.

¹⁴ Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. М., 1982. С. 255.

¹⁵ Кузя А. В., Леонтьев А. Е., Пушкина Т. А. Рецензия на: Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978 // СА. 1982. № 2. С. 284–285.

¹⁶ Седых В. Н. 1) Керамика Тимеревского поселения // Дубов И. В. Северо-Восточная Русь... С. 192–197; 2) К характеристике лепной керамики Ярославского Поволжья // Материалы к этнической истории Европейского Севера-Востока / Под ред. А. Д. Столляра. Сыктывкар, 1985. С. 66–78; 3) Керамическое производство Ярославского Поволжья IX–XIII вв.: Автореф. канд. дис. Л., 1988; 4) Керамическое производство Ярославского Поволжья IX–XIII вв. (некоторые итоги и перспективы исследований) // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 13. Мінск, 1998. С. 131–141.

тые к настоящему времени, очевидно, располагались на северо-западной его окраине, вблизи одного из наиболее ранних комплексов могильника — кургана № 95. Они содержат «чистый» комплекс лепной керамики, украшения и бытовые вещи, кусочки янтаря, монету Идриса II конца VIII — начала IX в.

Уточнить время, когда поселение уже, безусловно, существовало и функционировало, позволяют клады восточного серебра. На закономерность расположения кладов либо на территории поселений, либо в непосредственной близости от них указывал В. М. Потин.¹⁷ Раскопки памятников IX—XI вв. в Восточной Европе подтверждают это.¹⁸ Один клад (865 г.) был найден в 1973 г. непосредственно на основной площадке поселения, два других (867 г. и последняя треть IX в., по С. А. Яниной) — на противоположном берегу р. Сечки, напротив могильника. Датировка кладов 60-ми гг. IX в., очевидно, указывает на наиболее вероятное время основания центра.¹⁹ Эта дата отчасти подтверждается и датировкой основного погребения кургана № 95, которое может быть отнесено к середине IX в.

Между тем, и материалы поселения также могут быть привлечены к разрешению вопроса о времени начальной фазы рассматриваемого археологического комплекса памятников. Остановимся на двух находках, происходящих из раскопок Тимеревского поселения.

Первая была обнаружена в 1976 г. Ярославской экспедицией кафедры археологии ЛГУ под руководством И. В. Дубова во время исследования юго-западной части поселения, где в этот сезон был найден ряд импортных предметов (фрагменты бронзовой позолоченной равноплечной фибулы со звериной маской и железной гривны, ланцетовидный наконечник стрелы и др.), а также 66 монет из клада арабских монет IX столетия.²⁰ На этом же участке поселения впоследствии был обнаружен фрагмент достаточно редкой бронзовой скандинавской равноплечной фибулы IX столетия (о ней — ниже).

Первый объект нашего специального рассмотрения — бронзовая плоская прорезная литая подвеска округлой формы размерами 57 × 51 мм с ушком (рис. 1). Обратная сторона гладкая. Орнамент подвески сим-

метрический, представлен сложным переплетением и одинарными и строенными выпуклостями округлой формы.

Подвеска была опубликована И. В. Дубовым в его монографии 1982 г. как «бронзовая ажурная привеска».²¹ В дальнейшем, со ссылкой на авторитетное мнение Марии Владимировны Седовой, автор писал о североирландском происхождении привески, которая «могла попасть в Тимерево через Скандинавию вместе с ее владельцем».²² Упоминание о подвеске как «изделии ирландских ювелиров» встречается и у Г. С. Лебедева.²³ Вместе с тем, знакомство с археологической литературой не выявило близких аналогий в материалах средневековых памятников Ирландии. (Здесь я считаю своим долгом выразить искреннюю признательность шведским коллегам Ингмару Янссону, Лене Тунмарк-Нюлен, Федору Андрощуку за постоянное внимание и содействие во время работы в Швеции).

По литературе было выявлено 32 экз. подвесок, которые в той или иной степени могут быть соотнесены с нашей находкой.²⁴ Однако сразу следует отметить, что практически все они (за исключением предметов, найденных в одном и том же комплексе или в одном микрорегионе) — индивидуальны. Данная группа изделий немногочисленна и относится к достаточно узкому хронологическому диапазону — второй половине VIII — началу IX в. Как обязательный элемент композиции таких изделий в них входит располагающееся в основании изображение перевернутой лунницы, нередко образованное изображениями тел жи-

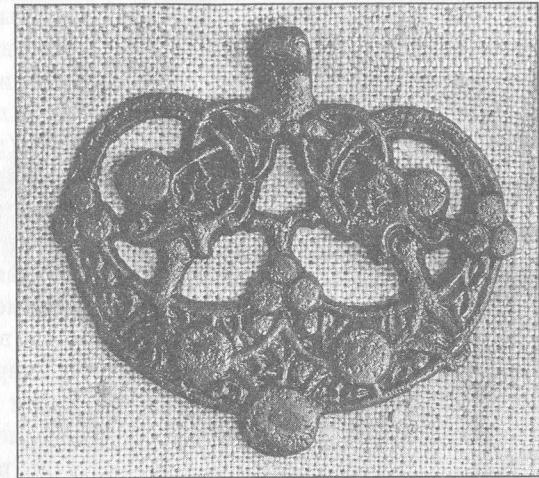

Рис. 1. Подвеска из раскопок Тимеревского поселения

¹⁷ Потин В. М. Найдки западноевропейских монет на территории древней Руси и древнерусские поселения // Нумизматика и Эпиграфика. Том III. М., 1962. С. 185.

¹⁸ Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990; Седых В. Н. Монеты в торговле Северной Руси эпохи раннего средневековья // Культурные трансляции и исторический процесс. Тематический сборник научных статей. СПб., 1994. С. 135–155; и др.

¹⁹ Седых В. Н. Монетные находки в Тимерево в контексте нумизматических данных территории Северной Руси // Труды по русской истории. Сборник статей в память о 60-летии Игоря Васильевича Дубова. М., 2007. С. 233–256.

²⁰ Дубов И. В., Винокурова М. Г., Седых В. Н. Ярославская экспедиция // Археологические открытия 1976 года. М., 1977. С. 51–52.

²¹ Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья ... С. 170, 226.

²² Дубов И. В. Скандинавы в Ярославском Поволжье // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси: Памяти Ольги Ивановны Давидан. Сборник статей / Отв. ред. Е. Н. Носов, Г. И. Смирнова. СПб., 2002. С. 117.

²³ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 233.

²⁴ Седых В. Н. Об одной категории украшений поздневендельского — ранневикингского времени (предварительное сообщение) // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 18–21 декабря 2006 г. СПб., 2006. С. 105–109.

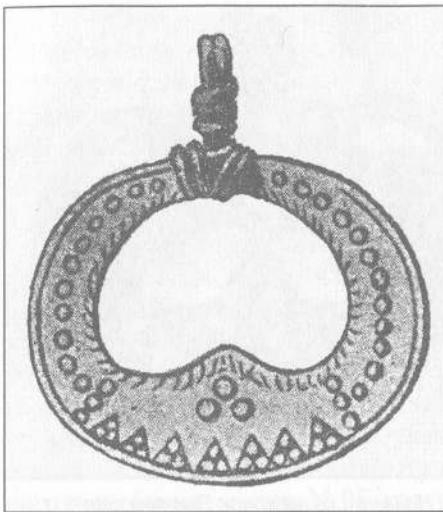

Рис. 2. Кресаловидная подвеска (по:
Спицын 1905: 129, рис. 16)

вотных. Этот элемент составил основу упрощенных привесок эпохи викингов, которые получили название *кресаловидных* (рис. 2). Последние имели, как правило, пунсонный орнамент и изготавливались, главным образом, из серебра, в единичных случаях — из бронзы и железа. Примеры таких изделий мы можем встретить в публикациях как зарубежных исследователей²⁵, так и отечественных авторов²⁶. Кроме того, в вендельский период рукояти некоторых ключей из Дании, Швеции и Норвегии оформлялись с использованием рассматриваемых сюжетов и схем.²⁷

Подвески делятся на два вида — прорезные и не прорезные (рис. 3). Изображения на данных подвесках можно условно разделить на реалистические изображения животных и птиц и выполненные в стилистической манере. В некоторых случаях, как полагают исследователи, в композиции таких подвесок присутствуют изображения дерева (ветвей деревьев), возможно, в сочетании с изображением человека — таково, например, мнение Эллы Кивикоски относительно подвески из погребения № 49 могильника Кварнбакен.²⁸

Туре Арне, первым обратившийся к подобным изделиям, считал, что известные к тому времени подвески из Sörby, Седерманланд и из Бирки (Черная земля) имитировали восточный мотив — «павлины или петухи у дерева жизни», и предполагал их местное производство, в частности, на о. Готланд или в Балтийском регионе.²⁹

²⁵ См., например, Arbtan H. Birka. I. Die Gräber. Text, Tafeln. Stockholm, 1940–1943.

²⁶ Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990; Новикова Г. Л. Скандинавские амулеты из Гнездово // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города) / Под ред. Д. А. Авдусина. М., 1991. — С. 175–199; и др.

²⁷ Almgren B. Bronsnycklar och djurornamentik vid övergången från vendeltid till vikingatid. Uppsala, 1955.

²⁸ Kivikoski E. Kvarnbacken. Helsinki, 1963. Ss. 31–32, 94.

²⁹ Arne T. J. 1) Einige Schwertortbänder der Wikingerzeit. Opuscula archaeologica Oscar Montelio dicata. Stockholm, 1913; 2) La Suède et l'Orient. Études archéologiques sur les relations de la Suède et de l'Orient pendant l'âge des Vikings. Archives d'études orientales 8. Uppsala, 1914. S. 162.

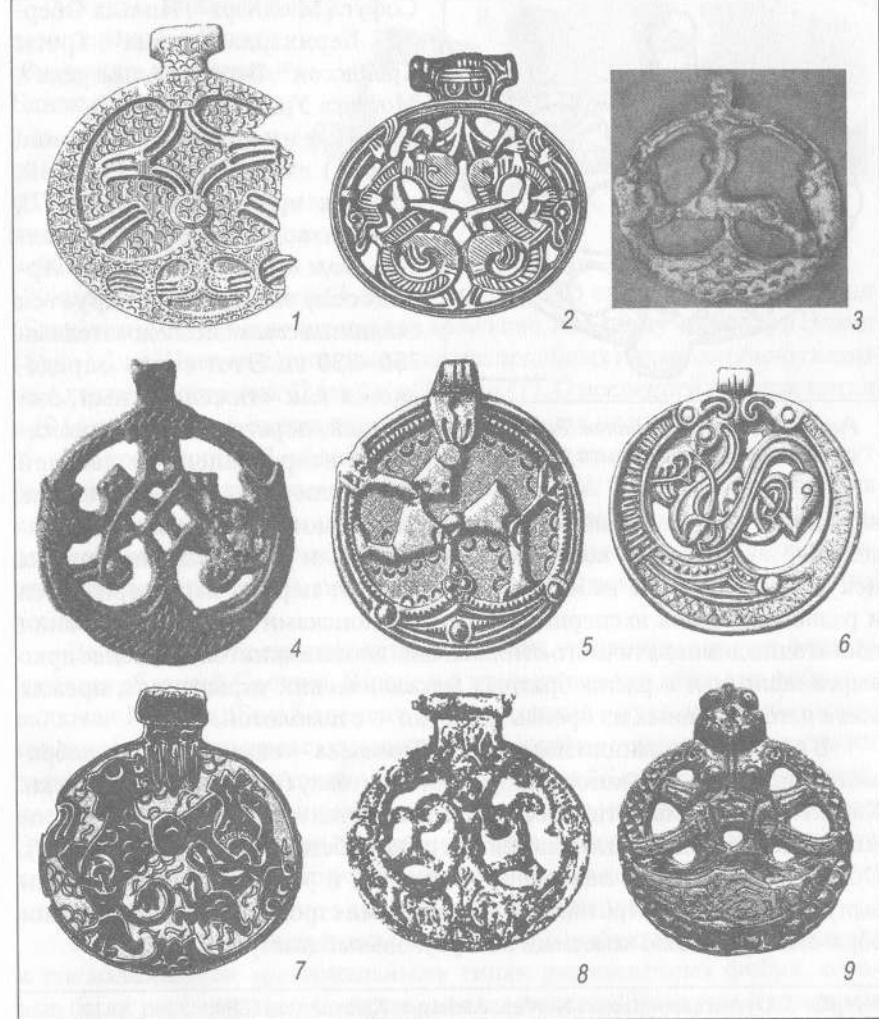

Рис. 3. Подвески из памятников Скандинавии и Финляндии: 1 — Упланд (по: Arne 1934. Tafel 1, Fig. 3) 56; 2 — Седерманланд (по: Åberg 1925: 133, fig. 229); 3 — Смоланд (по: Almgren 1955: Pl. 40, a); 4, 5 — Готланд (4 — по: Nerman 1969: Taf. No 2236; 5 — по: Almgren 1955: Pl. 38, d); 6 — Эланд (по: Åberg 1923: 155, Fig. 280); 7, 8 — Аланды (7 — по: Erä-Esko 1968: 38, Abb. 1, 588 — по: Kivikoski 1963. Tafel 16); 9 — Норвегия (по: Sjövold 1974. Pl. 44, c)

Истории и теории северного (северогерманского) орнаментального стиля, основу которого составляет звериный орнамент, от эпохи Великого переселения народов до эпохи викингов, а также кельтским, восточным и иным компонентам в его формировании посвящены исследования

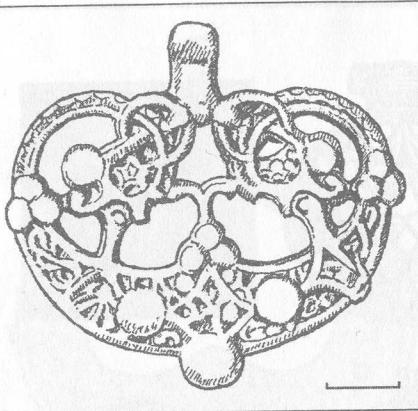

Рис. 4. Подвеска из раскопок Тимеревского поселения (прорисовка)

вариациях повторяющий и комбинирующий мотивы и образы, выразительные возможности которых полностью были раскрыты и исчерпаны искусством VI–VIII вв.».³⁶ Кроме того, этот период характеризуется и разнообразными экспериментальными поисками при формировании достаточно демократичного стиля начала эпохи викингов, наиболее ярко выразившимися в разнообразных металлических украшениях, прежде всего изготовленных из бронзы, нередко — с позолотой.

В основе композиции подвески из Тимерева — симметричное изображение хищников, тела которых образуют окантовку (окаймление) подвески. Характерной деталью этих изображений является передача открытой пасти животного, нередко заглатывающей часть собственного тела (рис. 5: 1). Образы дополняются ленточной плетенкой и рельефными округлыми выпуклостями. В центре нижней части такимистроенными выпуклостями образован отчетливо заметный подтреугольный выступ (рис. 5: 2).

³⁰ Müller S. Dyreornamentiken i Norden. Aarbøger. Kjøbenhavn, 1880.

³¹ Åberg N. 1) Kalmar Läns Förhistoria. Uppsala, 1923; 2) Föhrhistorisk Nordisk Ornamentik. Uppsala, Stockholm, 1925; 3) Keltiska och orientaliska stilinflytelser I vikingatidens nordiska konst. Stockholm, 1941; 4) The Occident and the Orient in the Art of the Seventh Century. Stockholm, 1947.

³² Salin B. 1) Die altgermanische Thierornamentik. Stockholm, 1904; 2) Die Altgermanische Thierornamentik. Stockholm, 1935.

³³ Arwidsson G. Vendelstile, Email und Glas im 7.–8. Jahrhundert. Valsgärde-Studien 1. Uppsala, 1942.

³⁴ Almgren B. Bronsnycklar och djurornamentik vid övergången från vendeltid till vikingatid. Uppsala, 1955.

³⁵ Ørsnes M. Form og Stil Sydskandinaviens yngre germanske jernalder. København, 1966.

³⁶ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе... С. 308.

Софуса Мюллера³⁰, Нильса Оберга³¹, Бернхарда Салина³², Греты Арвидссон³³, Бертила Альмгрена³⁴, Могенса Урнеса.³⁵

Экземпляр из Тимерева (рис. 4) входит в круг изделий, орнаментированных в *stile III*, по Бернхарду Салину, или в *вендельском стиле E*, по Грете Арвидссон, который датируется скандинавскими исследователями 750–830 гг. Этот стиль определяется как «тяжеловесный, вычурный, перегруженный множеством второстепенных деталей и дополнений..., в бесконечных

точных аналогий тимеревской находке обнаружить не удалось. Близкие по схеме и отдельным элементам подвески происходят из материалов памятников областей Средней Швеции — Упланда

(20 экз.), Седерманланда (3 экз.), Смоланда (3 экз.), островов Готланд (5 экз., три из которых изготовлены, возможно, по одному образцу) и Эланд (1 экз.). Вне Швеции единичные находки подобных подвесок обнаружены на Аландских островах (2 экз.) и в Латвии (?). О последней находке писал в 1914 г. Туре Арне, однако пока эта информация не проверена.

На территории Норвегии обнаружено два предмета, которые могут быть включены в круг рассматриваемых изделий. Один из них — фибула поздневендельского или переходного к эпохе викингов периода³⁷, второе изделие — происходящая из погребения подвеска, вероятнее всего, представляющая собой, по мнению Яна Петерсена, изделие финских ремесленников.³⁸

Вопрос о месте производства подвесок, очевидно, следует решить в пользу областей Средней Швеции и прилегающих к ней с юга районов, включая Готланд. Такой элемент, как строенные выпуклости, сближают готландские и тимеревскую находки. В целом, отмеченные аналогии датируются второй половиной VIII — началом IX в., вероятно, не позднее 840-х гг., когда начинается распространение изделий в стиле Борре. Этим же временем, очевидно, датируется и тимеревская находка. Круг аналогий очерчивает исходную территорию, население которой в IX столетии принимало участие в освоении региона Верхней Волги.

Упомянутая выше находка равноплечной фибулы (рис. 6) относится к так называемым «региональным» типам равноплечих фибул, которые были рассмотрены шведским исследователем Иованом Кальмером при анализе фибул из раскопок могильника Stora Uppåkra близ Лунда, Сконе.³⁹ По мнению автора, эти типы, в значительной степени связанные с западноевропейскими равноплечими фибулами и давшие в своем последующем развитии некоторые доминантные типы, складываются

³⁷ Sjøvold T. The Iron Age settlement of Arctic Norway. T. II. Tromsø – Oslo – Bergen, 1974. Pl. 44, c.

³⁸ Sjøvold T. The Iron Age settlement of Arctic Norway... Pl. 25; Petersen J. 1) Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928. Pl. 174; 2) Vikingetidens smykker i Norge. Stavanger, 1955. № 120.

³⁹ Callmer J. Vikingatidens likarmade spännen // Fynden i Centrum. Keramik, glas och metal från Uppåkra. Lund, 1999. S. 201–220.

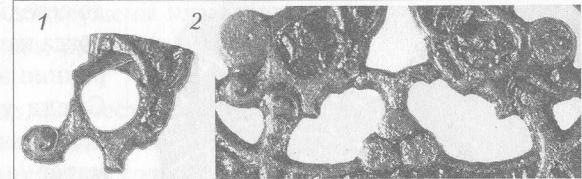

Рис. 5. Подвеска из раскопок Тимеревского поселения (детали)

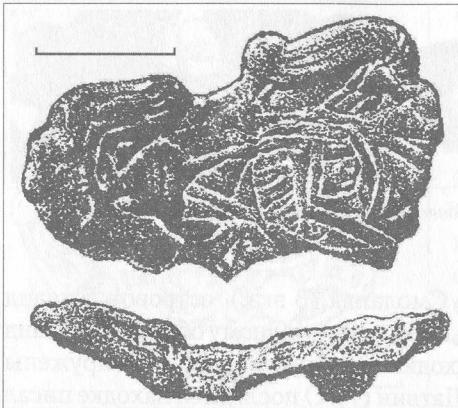

Рис. 6. Фрагмент равноплечной фибулы из раскопок Тимеревского поселения

для памятников Скандинавии и шире — Северной Европы — Я. Петерсеном и П. Паульсеном.⁴¹ Указанные авторы утверждают, что даты фибул, найденных в Скандинавии и за ее пределами, совпадают.

Таким образом, две проанализированные выше находки — подвеска и фибула — относятся к одному времени и могут служить аргументом в пользу более ранней датировки начальной фазы существования Тимерева.

Становление Тимеревского центра нельзя рассматривать в отрыве от вопросов формирования и функционирования Балтийско-Волжского пути. Становление торговых связей со странами Востока началось в 70–80-е гг. VIII в. и определялось потребностью населения Восточной и Северной Европы в серебряной монете и серебряном сырье для ремесленной деятельности. Древнейший клад Восточной Европы, обнаруженный в Ладоге, датируется 786 г. и отражает начало регулярного притока куфических монет на континент. В древнейшем ярусе построек горизонта Е3 Ладоги найден и самый ранний дирхам чеканки 699/700 г., который фиксирует время поступления арабского серебра в пределы Северной Руси — 50–60-е гг. VIII в.

С Волгой и Балтийско-Волжским путем, безусловно, были связаны Ладога и Рюриково городище на Волхове, раннесредневековые центры Залесской земли — Сарское городище, Сузdalь, Клещин, Тимерево.

⁴⁰ Callmer J. Vikingatidens likarmade spänningar... S. 210, Fig. 16.

⁴¹ Petersen J. Vikingatidens smykker. Stavanger, 1928; Paulsen P. Studien zur Wikinger-Kultur. Forschungen zur Vor und Frügeschichte aus dem Museum vorbeschichtlicher Altertümer in Kiel. 1. Neumünster, 1933.

до середины IX в., т. е. в период, когда начинают формироваться ранние элементы стиля Борре. Среди указанных типов, выделенных преимущественно по материалам памятников Восточной и Южной Швеции, ближайшей аналогией тимеревской находке является тип Сёдерби (*Söderbytypen*)⁴⁰ — рис. 7. Следует отметить, что тимеревская фибула была отлита в форме невысокого качества изготовления. В настоящее время в отечественной археологии приняты датировки фибул, разработанные Северной Европы — Я. Петерсеном и П. Паульсеном.⁴¹ Указанные авторы утверждают, что даты фибул, найденных в Скандинавии и за ее пределами, совпадают.

В большинстве из них обнаружены клады куфического серебра, предметы импорта, в том числе начала IX в.

И последний сюжет. Отечественные и зарубежные исследователи определенно фиксируют наличие выходцев с Аландских островов в материалах погребений Тимерева. Часто комплексы с находками глиняных лап не выразительны и малоинвентарны, сопровождаясь лишь керамикой. Всего в Тимеревском могильнике исследовано 54 кургана с находками этих магических предметов, в том числе лапы специфически аландской (по Э. Кивикоски) формы.⁴² Таким образом, есть основания предполагать прямое проникновение лап с Аландских островов в период активных и тесных связей Ярославского Поволжья с Фенноскандией. Могу предположить, что обряд погребения, включавший в себя как составную часть инвентаря имитации звериных лап (медвежьих, по нашему мнению), зародился в области Средней Швеции в начальный период освоения шведами Аландских островов (в материковой Швеции пока известна лишь одна находка глиняной лапы в комплексе VI–VII вв. в Западном Седерманланде⁴³) и получил развитие уже на упомянутых островах. Необходимо упомянуть, что в Восточном Упланде в погребении по обряду трупосожжения X в. были обнаружены два предмета из песчаника, имеющие форму трехпалых лап.⁴⁴

В настоящее время находки глиняных лап зафиксированы в 85-ти комплексах могильников Аландских островов VII–X вв. Один из комплексов Тимеревского могильника (№ 470) с глиняной лапой датирован М. В. Фехнером IX в.⁴⁵ Вполне вероятно, что часть малоинвентарных комплексов Тимерева с находками лап может быть синхронна ранним комплексам Аландов и Швеции.

Рис. 7. Фибулы типа Сёдерби (*Söderbytypen*, по И. Кальмеру)

⁴² Седых В. Н. Изделия из глины на памятниках Ярославского Поволжья IX–XI вв. // Проблемы истории северо-запада Руси. (Славяно-русские древности. Вып. 3). СПб., 1995. С. 55–72.

⁴³ Янссон И. Контакты между Русью и Скандинавией в эпоху викингов... С. 122.

⁴⁴ Jansson, I. Communications between Scandinavia and Eastern Europe in the Viking Age // Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Nr. 156. Göttingen, 1987. S. 783, Fig. 5, c.

⁴⁵ Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря... С. 83.